

Совместим ли шариат с современным российским правом?*

Л.Р. Сюкияйнен

профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридической наук. Адрес: 101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: Lsukiyainen@hse.ru.

Аннотация

Статья посвящена анализу форм взаимодействия шариата с действующим законодательством, его совместимости с современным российским правом в целом. Автор анализирует несколько причин возрастающего интереса к роли шариата в правовом развитии России. Среди них — продолжающийся процесс возрождения ислама, социально-политическая активность мусульманских общин за пределами регионов традиционного распространения ислама, сохраняющаяся угроза исламского экстремизма, усиление роли шариата в правовом и политическом развитии мусульманского мира, а также связанные с мусульманскими меньшинствами конфликты в странах Запада. Различаются несколько вариантов обращения к шариату в сопоставлении с законодательством. Один из них представлен действиями мусульманских сепаратистов и экстремистов, которые противопоставляют шариат российскому праву. Другой предполагает включение норм шариата в законодательство. Еще один вариант связан с обращением к шариату в качестве альтернативного регулятора без его противопоставления официальному праву. Обоснование реализации предписаний шариата не отличается единством. Мусульманские радикалы ссылаются лишь на религиозные аргументы в целях замены законодательства шариатом. Некоторые ученые призывают легализовать нормы шариата, но не подкрепляют свои предложения правовыми аргументами. Юристы придерживаются различных взглядов по этому вопросу. Некоторые авторы предлагают концепции законодательного признания местных традиций, включая нормы шариата. Как правило, они касаются регионов Северного Кавказа. Автор выделяет несколько форм возможного взаимодействия шариата и законодательства. Первая представлена прямым включением норм шариата в законодательство. Российское право такую возможность допускает при определенных условиях. Главное из них — выбор среди норм шариата таких предписаний, которые отвечают критериям права и являются исламским правом в точном смысле. Другая форма сводится к включению в законодательство ссылки на исторические или местные традиции, что дает возможность применять отдельные нормы шариата. Кроме того, шариатские предписания могут действовать по вопросам, урегулированным в законодательстве диспозитивными правилами. В целом на поставленный в названии статьи вопрос автор дает положительный ответ.

Ключевые слова

шариат, законодательство, российское право, модели реализации шариата, исторические и местные традиции, адат, полигамия, вакф, шариатский суд, местное самоуправление, диспозитивные нормы

Библиографическое описание: Сюкияйнен Л.Р. Совместим ли шариат с современным российским правом? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 3. С. 4–30.

* Данное научное исследование (проект № 14-01-0113 «Государство, право и ислам в современной России») выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014/2015 гг.

В последнее время проблемы места шариата и исламского права¹ в правовой жизни современной России привлекает все возрастающее внимание. Их активно обсуждают политологи, религиозные лидеры и политические деятели, юристы и ученые иных специальностей. Такой интерес к теме шариата вполне оправдан и объясняется рядом факторов.

Актуальность проблемы шариата в России

Прежде всего, в нашей стране активно продолжается процесс пробуждения ислама, начавшийся еще в 90-е годы XX в. Мусульманский менталитет не сводит ислам к религии в собственном смысле, а рассматривает его как универсальную систему, охватывающую мирскую жизнь, в том числе политику, государство и право. Поэтому активизация ислама неизбежно ставит вопрос о месте шариата в правовой жизни современной России.

Другая причина, объясняющая повышенный интерес к шариату и его влиянию на правовую политику, связана с быстрым численным ростом мусульманских меньшинств за пределами мира ислама. В нашей стране эта тенденция хорошо видна на примере мусульманских общин вне регионов традиционного распространения ислама — Поволжья и Северного Кавказа. Превращение данных групп в заметный элемент общественно-политической жизни зачастую сопровождается конфликтами, в основе которых лежит противостояние социально-нормативных культур. Такие противоречия привлекают особое внимание к шариату, поскольку оцениваются общественным мнением как результат стремления мусульман навязать немусульманскому социуму свой образ жизни, включая шариатские правила.

Еще одно основание актуализации проблематики шариата представлено угрозой исламского экстремизма и религиозного терроризма под исламскими знаменами. Эта опасность не обошла и нашу страну. Программные установки и практическая деятельность мусульманских экстремистов ориентируются на шариатские аргументы². Поэтому вопрос о включении норм и институтов шариата в правовую систему современной России вызывает неподдельный интерес и даже беспокойство.

Не следует также сбрасывать со счетов влияние политических кризисов и реформ в ряде арабских стран, получивших наименование «арабская весна». На начальном этапе этих катаклизмов здесь наблюдалась резкая активизация исламских сил, которым удалось даже на недолгое время прийти к власти в Египте и занять лидирующие позиции в политической жизни ряда других стран. Это сопровождалось укреплением позиций шариата в правовых системах некоторых из них³. Понятно, что такая тенденция отражается на дискуссиях вокруг возможного места шариата в правовой жизни России.

Кроме того, в последнее время много говорят об отрицательном опыте действия шариата на Западе как результате активности мусульманских меньшинств, которые, ориентируясь на исламские правила поведения, зачастую представляют собой замкнутые анклав, противостоящие окружающему социуму. Тем самым шариат преподносится в качестве фактора, который приводит к столкновению западной и исламской социально-

¹ О соотношении этих понятий см.: Сюкияйнен Л.Р. Исламское право: взаимодействие юридического и религиозного начал // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 1. 2007. С. 97–106.

² См.: Сюкияйнен Л.Р. Исламская правовая мысль против экстремизма и терроризма // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 1. С. 24–43.

³ См.: Сюкияйнен Л.Р. «Арабская весна» и исламская правовая мысль // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 1. С. 16–37.

нормативных культур⁴. Естественно, что данная характеристика принимается во внимание общественным мнением в нашей стране.

Все эти причины объясняют, почему вопрос о возможности включения норм шариата в российскую правовую систему вызывает острые споры. Инициаторами его постановки являются сами мусульмане, которые зачастую не ограничиваются призывами к «претворению шариата» и предпринимают практические шаги на этом пути. Это подтверждается опытом действия норм шариата в нашей стране и законодательными инициативами в данной сфере.

Опыт реализации шариата в соотношении с законодательством

Можно выделить несколько типичных моделей обращения к шариату и реализации его предписаний в современной России в сопоставлении с действующим законодательством. В качестве основания их классификации может быть взят характер соотношения шариата и позитивного права (законодательства), которые прямо противостоят друг другу, существуют параллельно, не пересекаясь между собой, или взаимодействуют в рамках одной системы юридических норм.

Самым крайним вариантом является использование шариатских норм, институтов и концепций мусульманскими экстремистами и сепаратистами. Они прямо противопоставляют шариат российскому законодательству и видят в нем средство достижения своих политических целей. В этом отношении ярким образцом стало принятие в Чечне летом 1996 г. уголовного кодекса, представлявшего собой кодификацию норм шариата. Власти Ичкерии обосновывали принятие этого кодекса целями построения исламского государства и необходимостью решительно бороться с валом насильственной преступности⁵. А федеральные власти восприняли этот шаг как демонстрацию намерения Чечни выйти из российского правового пространства, что, кстати говоря, не оспаривалось и тогдашним чеченским руководством.

Если Чечня в тот период практически находилась вне российского правового пространства, то другая попытка ввести шариат была предпринята уже на российской в полном смысле земле. В Дагестане на рубеже 1997–1998 гг. группы исламских радикалов стали активно внедрять шариат в нескольких селах Кадарской зоны, а летом 1998 г. объявили о создании там самостоятельной территории, в границах которой российское законодательство было фактически заменено «законами шариата», применявшимися специальным шариатским судом.

Антитеррористическая операция 1999 г. положила конец этому незаконному эксперименту с шариатом. После восстановления конституционного порядка в начале третьего тысячелетия шариатское законодательство и органы правосудия перестали существовать в качестве государственных институтов и в Чеченской Республике. Однако в ее границах до сих пор шариат продолжает применяться радикальными мусульманскими сепаратистами. Шариатская аргументация также лежит в основе действий мусуль-

⁴ См.: Слюкияйнен Л.Р. Право, религия, традиции, политика: конфликт или взаимодействие? (на примере ислама и мусульманских меньшинств в Европе) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 2. С. 23–46.

⁵ См. об этом: Старостина С.А. Шариат в истории российского государства: объективная закономерность или парадокс. Калининград: КЮИ МВД России, 2002. С. 70–76.

манских радикалов, совершающих теракты в различных российских регионах. Такая преступная деятельность может рассматриваться в качестве своеобразной реализации шариата в его экстремистской трактовке. Понятно, что такой опыт не может не сказываться на обсуждении проблемы шариата в нашей стране.

Отмеченный вариант соотношения шариата и российского права представляет собой их абсолютное противопоставление, при котором действие исламских норм символизирует фактический выход территории, где они применяются, из российского правового пространства. Неудивительно поэтому, что российское общественное мнение, как правило, приходит к выводу об абсолютной неприемлемости шариата, невозможности включения его норм в российское законодательство или легального действия в любой иной форме.

Совершенно другую цель преследовали инициативы, выдвигавшиеся примерно в те же годы государственными органами отдельных субъектов Российской Федерации, которые считали возможным и даже необходимым закрепление норм и институтов шариата в действующем праве. Понятно, что авторы подобных шагов исходили из совместимости шариата и российского законодательства. Иногда такие проекты приводили к прямому официальному признанию норм шариата, когда его предписания включались в нормативно-правовые акты.

Так, 19 июля 1999 г. в Ингушетии был принят президентский указ № 166, в соответствии с которым граждане мужского пола получили право заключать до четырех браков с лицами женского пола, не состоящими в браке. А 31 июля того же года Народное собрание (Парламент) Ингушетии приняло закон «О регулировании некоторых вопросов семейно-брачных отношений в Республике Ингушетия». Со ссылкой на складывающуюся демографическую ситуацию и традиционный уклад жизни населения он воспроизвел положение упомянутого выше президентского указа относительно многоженства. Упоминание традиций, безусловно, отражает влияние шариата на местные адаты и образ жизни ингушей.

На основании данного акта в течение примерно одного года в Ингушетии было зарегистрировано несколько десятков полигамных браков. Однако 13 июля 2000 г. по представлению прокурора Ингушетии Верховный суд республики отменил указанные статьи закона о полигамии как противоречащие ст. 14 и 123 Семейного кодекса Российской Федерации. На этом основании республиканский парламент 5 февраля 2001 г. принял закон о внесении изменений в закон 1999 г. Положение о многоженстве было изъято, и соответствующая статья излагалась в новой редакции: «Граждане Республики Ингушетия имеют право на вступление в брак и построение семейных отношений на основе действующего законодательства и с учетом национальных традиций и обычаев».

После таких изменений этот акт, по сути, утратил значение и поэтому был окончательно отменен в 2006 г. Правда, ссылка на учет национальных традиций в регулировании брачно-семейных отношений в законодательстве Ингушетии осталась. В августе 2000 г. в ст. 37 конституции республики было внесено дополнение, в соответствии с которым граждане Ингушетия имеют право на вступление в брак и построение семейных отношений на основе национальных традиций и обычаев. Это в принципе допускает обращение к традиционным, в том числе, шариатским, нормам, за исключением, очевидно, полигамии. Однако и она не сходит с повестки дня в России.

Попытки легализовать полигамию в конце прошлого — начале нынешнего столетия не ограничивались Ингушетией. Так, в парламенте Башкортостана этот вопрос регулярно поднимался с середины 1990-х годов. В обоснование многоженства его сторонники апеллировали к нравственным ценностям, местным традициям, шариатским аргумен-

там и настаивали на необходимости решения проблем сирот и одиноких женщин через возрождение исламских норм⁶.

Еще один интересный опыт законодательного закрепления ссылки на шариат также относится к Ингушетии. В декабре 1997 г. здесь был принят закон о мировых судьях, вступивший в силу в феврале следующего года. Он предусматривал несколько положений, прямо отражавших нормы шариата. Важно иметь в виду, что ингушский законодатель в прямой форме закреплял принцип совместимости соответствующих шариатских норм с российским законодательством. В частности, в данном акте говорилось, что мировые судьи являются независимыми в осуществлении правосудия, подчиняясь только Конституции Российской Федерации, Конституции Ингушетии, федеральному и республиканскому законодательству (ст. 3). В то же время, п. 3 ст. 8 данного акта устанавливал, что при осуществлении судопроизводства мировые судьи должны учитывать обычаи и традиции народа Ингушетии, нормы обычного права и шариата. Понятно, что это сочетание возможно лишь при условии соответствия или, по крайней мере, непротиворечия адата и шариата российскому праву.

Положения закона, закреплявшие связанность мировых судей нормами обычного права и шариата, действовали недолго. Уже в мае 2000 г. в него были внесены изменения, исключившие ссылку на адат и шариат. Однако само принятие такого нормативно-правового акта в первоначальном варианте лишней раз подтвердило, что стремление следовать шариату, зафиксировать его предписания в законодательстве является устойчивой тенденцией в современной России. Правда, в приведенных выше случаях такие попытки не получили поддержки. Казалось бы, нынешнее российское право последовательно отторгает любые нормы, прямо связанные с шариатом. Однако законодательная практика свидетельствует об ином.

Уникальным примером в этом отношении является Закон Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 14 июля 1999 г. Статья 18 этого акта первоначально предусматривала, что религиозные организации вправе иметь вакуфное имущество. Напомним, что, по шариату, вакф в целом представляет собой статус имущества (главным образом, недвижимого), изъятого из оборота и предназначенного для использования в пользу определенных лиц или в благотворительных целях. Правовые особенности вакуфного имущества детально разработаны в шариате, а сам указанный институт в течение многих веков имел широкое распространение в мусульманском мире. Он активно использовался и в Российской империи⁷.

Однако положение о праве религиозных организаций иметь вакуфное имущество, закрепленное в законе 1999 г., фактически не действует, что объясняется, в частности, отсутствием соответствующей нормативной базы. К тому же в 2007 г. республиканская прокуратура пришла к выводу о несоответствии указанной нормы российскому праву, поскольку законодательное регулирование имущественных прав входит в предмет

⁶ См.: *Ситдыкова Г.Р.* Шариат и социальные проблемы современной женщины // Шариат: теория и практика: матер. межрегион. науч.-практ. конференции. Уфа, 26–28 сентября 2000 г. Уфа: ТАУ, 2000. С. 181–184; *Бакиров Р.Н.* Полигамия в условиях современного российского законодательства // Шариат: теория и практика: матер. межрегион. науч.-практ. конференции. Уфа, 26–28 сентября 2000 г. Уфа: ТАУ, 2000. С. 195–197; *Абашин С.Н.* Многоженство *запретить нельзя разрешить?* // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М.: Стратегия, 2000. С. 101–115.

⁷ См.: *Благотворительность в России: исторический опыт, проблемы возрождения традиций и перспективы развития: матер. междунар. науч.-практ. конференции. Казань, 5 апреля 2007 г. / сост. Р.Р. Хуснутдинов, Р.Р. Салихов. Казань: Милли китап, 2008.*

ведения Российской Федерации, а не ее субъектов. В июле 2008 г. республиканский законодательный орган внес изменение в ст. 18 Закона 1999 г., которая в нынешнем виде гласит: «Религиозные организации вправе иметь вакуфное имущество, правовое положение которого регулируется федеральным законодательством». Но и после такой корректировки ситуация с вакфом осталась прежней, а сам он в качестве правового института так и не заработал.

Приведенные примеры демонстрируют противоположную модель соотношения шариата и позитивного права, которые, по мысли ее сторонников, не находятся в конфликте, а взаимодействуют между собой и могут бесконфликтно сосуществовать. Точнее, данный вариант предполагает, что положения шариата становятся обычным элементом российского законодательства. Правда, такая конструкция пока оказывается практически малопродуктивной. Вместе с тем, в регионах традиционного распространения ислама нашей страны (прежде всего, на Кавказе) имеется принципиально иная практика реализации шариата. Речь идет о фактическом действии его отдельных норм в сочетании с местными обычаями независимо от действующего законодательства. Нередко шариатские предписания используются для решения вопросов, которые в принципе подпадают под действие закона. Однако в силу ряда причин законодательство сознательно игнорируется либо государственные институты, призванные его применять, оказываются неэффективными или просто устраняются от осуществления своих функций.

В этих условиях активизируются традиционные институты разрешения споров, существовавшие еще в советскую эпоху и воссозданные в модифицированном виде к исходу прошлого столетия. Они не являются государственными органами правосудия и не предусмотрены российским законодательством, но пользуются поддержкой мусульманских общин и берут на себя полномочия по улаживанию правовых конфликтов и иных вопросов юридического характера. Для этого такие институты по давней традиции прибегают к нормам шариата и обычаям, существующим вне официальной правовой системы. Понятно, что их решения лишены формальной юридической силы и не признаются государством. Но для мусульман, живущих на территории, где действуют указанные структуры, это не имеет принципиального значения. Ведь их решения обладают значительно более весомым качеством — они пользуются признанием местного сообщества и ориентацией на традиции, которые и гарантируют их исполнение.

Дагестанский вариант такой параллельной квазиправовой и квазисудебной системы явился объектом обстоятельного исследования, прежде всего, в работах В.О. Бобровникова⁸. Однако модификации этой модели можно наблюдать и в других районах Северного Кавказа, в частности в Ингушетии и Кабардино-Балкарии. Здесь также высок авторитет местных обычаев, переплетающихся с шариатом, а официальные правоохранительные структуры на деле бездействуют⁹. При этом традиционная практика разре-

⁸ См., напр.: Бобровников В.О. Археология строительства исламских традиций в дагестанском колхозе // *Ab Imperio*. 2004. № 3. С. 563–593; *Его же*. Колхоз как хранитель исламского уклада // *Ваш выбор*. 1996. № 3. С. 18–23; *Его же*. Ислам и советское наследие в колхозах Северо-Западного Дагестана // *Этнографическое обозрение*. 1997. № 5. С. 132–141; *Его же*. Шариатские суды и правовой плюрализм в Советском Дагестане // *Этнографическое обозрение*. 2001. № 3. С. 77–91; *Его же*. Ислам, власть и общество в бывшем колхозе: дагестанский случай // *Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа*. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2012. С. 9–31. См. также: Абдулаев М.М. К вопросу о роли шариата в современном дагестанском обществе // *Вестник Российской правовой академии*. 2007. № 4. С. 3–8; Dmitri Makarov. Enacting the Sharia Laws in a Dagestani Village // *ISIM Newsletter*. 1998. No 1. P. 19.

⁹ См.: Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860–1990-е годы). М: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1999; *Ее же*. Идеологический фундамент возрождения обычного и мусульманского

шения споров — главным образом, семейных и земельных — на основе адата и шариата не только сохраняется в регионе Северного Кавказа вплоть до настоящего времени, но периодически даже расширяется и приобретает новые формы¹⁰.

Данный образец реализации шариата представляет собой иную модель его соотношения с российским законодательством. Для нее характерно параллельное и независимое друг от друга действие норм шариата и позитивного права. При этом шариат может получать фактическое признание и даже поддержку со стороны власти, регулируя отношения, формально безразличные для закона. Но нередко он подменяет собой официальное право и даже вступает с ним в прямой конфликт, когда законодательство не применяется и мусульмане предпочитают решать свои проблемы по шариату, а не по закону. В итоге противоречащие закону нормы шариата часто применяются даже с молчаливого согласия государственных органов.

Не следует также забывать еще об одной форме действия шариата в современной России, которая близка по правовому смыслу приведенной выше. Она связана с деятельностью мусульманских религиозных организаций. В частности, уставы большинства из них предусматривают, что в своей внутренней деятельности они руководствуются предписаниями шариата. Кроме того, в ряде духовных управлений мусульман введена должность кади (судьи), который полномочен на основе шариата выносить решения и давать рекомендации. Конечно, они не имеют юридической силы, но в глазах мусульман порой пользуются даже большим авторитетом, нежели официальные судебные решения.

В этом отношении показательным примером является функционирование шариатского суда в структуре Духовного управления мусульман Ингушетии. Данный орган, созданный в конце истекшего века, первое время фактически поддерживался властью, а затем начал действовать и продолжает до сих пор функционировать в качестве (общественного) религиозного института. Формально его работа не противоречит действующему законодательству, поскольку его документы не имеют юридической силы. Однако фактически позиции такого суда, основанные на адате и шариате, порой занимают место решений официальных органов правосудия.

Важно также учитывать своеобразную нормотворческую деятельность некоторых мусульманских религиозных центров, которые разрабатывают рекомендации по разрешению конфликтов и регулированию иных вопросов, ориентируясь на адаты и отдельные нормы шариата. Вновь сошлемся на опыт Ингушетии, где на форуме духовного управления несколько лет назад были установлены размеры выкупа за причинение телесных повреждений и компенсации за убийство, а также границы брачного дара (кальма)¹¹.

права в Кабардино-Балкарии // Ислам и право в России: матер. науч.-практ. семинара «Мусульманское право в мире и России» (Северный Кавказ, Поволжье) / сост. и ред. И.Л. Бабич, Л.Т. Соловьева. М.: РУДН, 2004. Вып. 2. С. 186–195; *Албогачиева М.С.-Г.* Особенности взаимодействия российской судебно-правовой системы и традиционных правовых институтов ингушского общества (XIX–XXI вв.) // Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2012. С. 142–208.

¹⁰ См., напр.: *Ярлыкапов Ахмет.* Адат, шариат и российское право на современном Северном Кавказе: итоги и перспективы // Ислам в мультикультурном мире: Мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве / отв. ред. Д.В. Брилев. Казань: Казан. ун-т, 2014. С. 367–377.

¹¹ См.: *Албогачиева М.С.-Г.* Конференция мусульман Республики Ингушетия // Антропологический форум № 14 on-line.

Интересно, что указанные нормативы были одобрены в присутствии руководства республики, а глава Ингушетии подробно информировал о них Президента Российской Федерации. Специально подчеркивалось, что установленные нормы не подменяют собой действующее законодательство, а, наоборот, призваны помочь его эффективному применению и борьбе с преступностью. Так, религиозные руководители и ответственные государственные чиновники Ингушетии не раз подтверждали, что даже при вынесении и исполнении приговоров и судебных решений по делам о причинении телесных повреждений и убийстве конфликт между потерпевшим и осужденным либо его семьей будет улажен только после предоставления виновным соответствующей денежной компенсации. Это относится и к дорожно-транспортным происшествиям, приведшим к причинению вреда здоровью или смерти¹².

Следует отметить и иную сопоставимую с таким вариантом практику реализации шариата формально вне правового поля, которая также касается действующего законодательства. Речь идет о традиционном для мусульман полигамном браке, который не был изжит даже при советском строе, а в современной России существует открыто. Известно, что такой обычай достаточно широко распространен не только на Кавказе, но и других регионах страны. В частности, один из мусульманских лидеров Поволжья публично признал, что он состоит в таком браке¹³. Следует учитывать, что, как правило, полигамные браки заключаются и расторгаются в мечети. Ясно, что они не признаются российским законодательством, но мусульмане считают их полноценными и соответствующими шариату. К тому же в нынешней России многобрачие не является преступлением. Поэтому имеющие несколько жен мусульмане не чувствуют себя правонарушителями и убеждены в том, что можно уважать закон и в то же время следовать шариату.

В последние годы применение шариата в качестве своеобразного конкурента действующему российскому законодательству все чаще выходит за пределы Кавказа. В частности, неоднократные проекты создания сначала в 2010 г. в Петербурге, а затем в 2012 г. в Москве так называемых шариатских судов вполне естественно воспринимаются российским общественным мнением как стремление сделать шариат частью правовой системы нашей страны. Ведь шариатских судов, не применяющих шариат, быть не может. При данном видении проблемы дискуссия вокруг таких органов правосудия переводится в плоскость обсуждения перспектив шариата в правовой жизни России¹⁴.

Наконец, вопрос о шариате приобрел особую актуальность в связи с проблемой хиджаба — праве учениц носить традиционный мусульманский головной убор в российских школах. Соответствующие судебные решения, запретившие хиджаб в государственных школах, не только не положили конец спорам вокруг этой проблемы, но, наоборот, придали им дополнительную остроту. Учитывая, что хиджаб представляется многими как символ шариата, стремление мусульман добиться разрешения носить та-

¹² См.: Албаков Д.Х. О применении шариата в Республике Ингушетия // Ислам и право в России: матер. науч.-практ. семинара «Мусульманское право в мире и России» (Северный Кавказ, Поволжье) / сост. и ред. И.Л. Бабич, Л.Т. Соловьева. М.: РУДН, 2004. Вып. 2. С. 81–84.

¹³ См.: URL.: <http://www.om-saratov.ru/novosti/04-June-2013> (дата обращения — 25 августа 2014 г.).

¹⁴ См.: Сюкияйнен Л.Р. Исламская и европейская правовые культуры: формы взаимодействия и перспективы на Кавказе // Государство и право народов Кавказа: проблемы становления и развития: матер. междунар. науч.-практ. конференции / отв. ред. и сост. Д.Ю. Шапсугов. Ростов н/Д: ООО «Издательство «Перо», 2012. С. 9–21.

кую одежду в школах нередко толкуется в качестве первого шага на пути признания его места в российском праве вообще.

Не будем также забывать, что сходная по содержанию проблема возникла еще в 2003 г., когда российские суды неоднократно рассматривали обращения группы мусульманок-жительниц Поволжья по поводу инструкции МВД, которая требовала, чтобы граждане фотографировались на паспорт обязательно с непокрытой головой. Кассационная палата Верховного Суда Российской Федерации отменила действие данного положения, что отечественные СМИ безосновательно расценили как отход от принципов светского государства и уступку сторонникам шариата¹⁵.

Приведенные примеры — лишь иллюстрация большого разнообразия форм реализации норм и институтов шариата в правовой жизни современной России либо в сферах, имеющих отношение к действующему праву.

Аргументы в пользу и против шариата

Бросаются в глаза различные варианты оправдания обращения к шариату в правовой жизни современной России. Те, кто видят в шариате альтернативу действующему праву, как правило, не задумываются о юридической интерпретации своих проектов либо ориентируются на чисто религиозные постулаты. Это типично для отдельных мусульман или их сообществ, которые не отвергают государственное законодательство и считают себя лояльными власти, но предпочитают жить по шариатским предписаниям, насколько это возможно. Такое же отношение проявляют мусульмане, заключившие полигамные браки. Они прямо не говорят о своем неуважении к закону, но фактически строят свои семейные связи по иным, религиозным, меркам. Хотя при этом один из своих браков (как правило, первый) мусульмане-многоженцы официально регистрируют в соответствии с законодательством, а другие заключают в мечети и готовы исполнять вытекающие из них обязанности под угрозой ответственности перед Аллахом.

Правда, для некоторых мусульманских деятелей шариат является, безусловно, приоритетным в сравнении с позитивным правом, которое считается недостойным уважения. Например, в конце истекшего века один из мусульманских лидеров, бывший в то время депутатом Госдумы, прямо утверждал, что мусульмане должны подчиняться заповедям Аллаха, а не созданным грешными людьми законам, в которых воплощается воля сатаны¹⁶.

На этом фоне особый интерес представляет отношение российских государственных структур и отдельных представителей власти к шариату в его сопоставлении с действующим законодательством. Единого понимания этого вопроса нет. В частности, И.Л. Бабич на основе исследования ситуации в Кабардино-Балкарии выделяет три основных подхода, которые разделяют властные структуры, правоохранительные органы, депутатский корпус и общественные движения. Первый исходит из признания существующего положения вещей, фактически действующих сейчас норм адата и шариата

¹⁵ См.: Пчелинцев А.В. Опыт правовой защиты российских мусульман // Ислам и право в России: матер. науч.-практ. семинара «Проблемы реализации законодательства о свободе совести и религиозных объединениях в отношении российских мусульман» (Северный Кавказ, Поволжье). Вып. 1 / сост. и ред. И.Л. Бабич, Л.Т. Соловьева. М.: РУДН, 2004. С. 196–198.

¹⁶ См.: Хачилаев Н. Союз мусульман России. Ответственность, политика и ислам. У правителей не должно быть чувства вседозволенности и бесконтрольности // Независимая газета. 1997. 27 сентября.

без их законодательного закрепления, но и без искусственного возрождения оставшихся в прошлом традиций.

Второй предполагает принятие законодательства, включающего сохранение местных традиций и обычаев, которые играют позитивную роль. Сторонники такого решения проблемы уверены, что реформирование судебной и правовой системы с учетом традиционного права всегда являлось краеугольным камнем во взаимоотношениях между Россией и Кавказом.

Наконец, третьего варианта придерживается большинство чиновников и депутатов местных парламентов, которые последовательно отстаивают единство сложившейся в современной России правовой системы и считают, что образ жизни местного населения кардинально изменился, сведя влияние прежних традиций к минимуму. Поэтому говорить о какой-то параллельной закону действующей системе норм адата и шариата нет оснований, а их возрождение и тем более легализация не являются актуальной проблемой¹⁷.

Взгляды российских исследователей на проблему шариата и его взаимодействия с действующим законодательством отличаются большей взвешенностью. Правда, и здесь наблюдаются различия в подходах. В частности, имеются работы историков, этнографов и отдельных правоведов, которые ограничиваются изложением фактов действия шариата в нынешней России без детального юридического анализа ситуации¹⁸. Другие авторы избегают простой описательности и делают акцент на тех сферах общественных связей, где, по их мнению, может и должен применяться шариат как правовой инструмент, или отмечают отдельные вопросы, которые следует решать на основе его юридических норм¹⁹.

Однако эти суждения страдают существенным недостатком — декларативностью, а также отсутствием юридической оценки проблемы и обоснования возможности обращения к шариату с правовых позиций. Поэтому выдвигаемые их авторами предложения об использовании шариата в российской правовой системе выглядят как личные субъективные предпочтения того или иного исследователя, не подкрепленные никакими доводами правового порядка.

Аналогичную оценку следует дать и призыву известного российского этнографа найти шариату правовую нишу на Кавказе²⁰. Понятно, что автор ратует за то, чтобы фактическое использование шариата в традиционном жизненном укладе на Кавказе было легализовано, получило юридическое признание в той или иной форме. Данный подход

¹⁷ См.: *Бабич И.Л.* Формирование правового плюрализма в советское и постсоветское время на Северо-Западном Кавказе // *Юридическая антропология. Закон и жизнь*. М.: Стратегия, 2000. С. 116–127. О различных позициях по данному вопросу см. также: *Теунов М.К.* Шариат в процессе трансформации традиционных правовых институтов на Северном Кавказе // *Право и безопасность*. 2010. № 3 (36). С. 102–105.

¹⁸ См., напр.: *Ярлыкапов А.* Указ. соч.; *Албогачиева М.С.-Г.* Особенности взаимодействия российской судебно-правовой системы и традиционных правовых институтов ингушского общества (XIX–XXI вв.).

¹⁹ См., напр.: *Албаков Д.Х.* Указ. соч.; *Боронбеков С.* Шариат. М: Моск. ин-т МВД России, 2002. С. 17–35; *Керимов Г.М.* О возможности применения некоторых норм мусульманского права и шариата в регионах Северного Кавказа и Поволжья // *Ислам и право в России: матер. науч.-практ. семинара «Мусульманское право в мире и России» (Северный Кавказ, Поволжье)* / сост. и ред. И.Л. Бабич, Л.Т. Соловьева. М.: РУДН, 2004. Вып. 2. С. 208–212.

²⁰ См.: *Арутюнов С.А.* Шариату на Северном Кавказе необходимо создать легальную правовую нишу // *Итоги*. 1999. № 3 (138). С. 14–16.

перекликается с позициями других исследователей, которые уверены в том, что с мусульманским правом не нужно бороться. Его необходимо всесторонне изучить и направить в нужное русло, согласовав с федеральным законодательством²¹. Но никаких аргументов правового характера в поддержку предлагаемой позиции ее приверженцы не приводят.

Юридическое обоснование в пользу или против шариата можно найти в немногочисленных публикациях юристов, которые, однако, придерживаются различных, порой прямо противоположных мнений по данной проблеме. Одни исследователи делают акцент на непреодолимых противоречиях между исламским и российским правом²², снимая тем самым проблему их совместимости. Другие отвергают шариат в принципе, формулируя свою позицию в виде максимы: исламу «да», шариату «нет»²³, что демонстрирует их полное незнание соотношения этих двух феноменов. Из этого подхода вытекает очевидный вывод, который не нуждается в специальной аргументации: ни о каком позитивном взаимодействии шариата с российским законодательством и речи быть не может.

Обращает на себя внимание еще один взгляд на обсуждаемую проблему, который по существу совпадает с отмеченной выше позицией, но опирается на иные концептуальные доводы юридического характера. Он сводит мусульманское право к шариату, трактуя его исключительно в качестве религии. На этом основании шариат, а вслед за ним — и мусульманское право в целом, приверженцы такого понимания не относят к юридическим явлениям²⁴. Правда, прямо они ничего не говорят о соотношении шариата с законодательством. Но для них такого вопроса, очевидно, вообще не существует. Ведь отрицание за мусульманским правом (шариатом) статуса правового феномена, по сути, означает, что у него нет места в правовой системе России.

Вместе с тем выделяются позиции тех отечественных юристов, которые предпринимают попытки найти правовое обоснование возможности и даже необходимости обращения к шариату в современной российской правовой действительности, включения его норм, принципов и институтов в законодательство. Так, А.А. Ливеровский предлагает, пожалуй, самую развернутую концепцию решения данного вопроса на общетеоретическом, историко-правовом и конституционном уровнях применительно к Северному Кавказу²⁵. Ссылаясь на опыт Дагестана, ученый подчеркивает, что на бытовом уровне традиционные нормы, связанные с шариатом и адатом, никогда не исчезали из социальной практики. Такие правила он считает правовыми, а исторически сложившуюся систему местных обычаев и религиозных исламских предписаний называет обычным правом, которое представляет собой социально-нормативную субкультуру народов указанной республики.

²¹ См.: *Старостина С.А.* Указ. соч. С. 77–78.

²² См., напр.: *Петров Э.А.* Государственно-политические конфликты институтов российского и мусульманского права в процессах реализации социальной доктрины ислама: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003.

²³ См.: *Азаркин Н.* Исламу — «да», шариату — «нет» // *Юридический вестник.* 2000. № 10(240). С. 5; *Давыдов А. И* все-таки шариату — твердое «нет» // *Юридический вестник.* 2000. № 12(242). С. 10.

²⁴ См.: *Раянов Ф.М., Гилязутдинова Р.Х.* Юридическая природа мусульманского права // *Шариат: теория и практика: матер. межрегион. науч.-практ. конференции.* Уфа, 26–28 сентября 2000 г. Уфа: ТАУ, 2000. С. 24–31; *Гилязутдинова Р.Х.* Природа мусульманского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2001.

²⁵ См.: *Ливеровский А.А.* Перспективы претворения шариата и адата в современной России. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2012.

По его мнению, не замечать обычное право или делать вид, что в нашей стране существует единая правовая система, чревато уходом в тень многих реально функционирующих механизмов межнациональных и социальных отношений. Игнорировать обычное право или, что еще хуже, бороться с его применением бесполезно и даже опасно. Ведь подобная недальновидная линия будет лишь создавать основу для национального и религиозного размежевания и даже распространения радикальных мусульманских движений. Поэтому главным автор считает решение проблемы совместимости двух культур, двух цивилизаций в рамках правовой системы России, при обязательном уважении к содержанию субкультур, сложившихся на Северном Кавказе. Соблюдение норм обычного права, которые отражают субкультуру, созданную народом на определенной территории, и его нравственных оснований, исходящих из религиозных предписаний, является необходимым условием выживаемости этого народа.

Данную теоретическую конструкцию исследователь предлагает конкретизировать на конституционном уровне. В частности, он ссылается на ст. 5 Конституции Российской Федерации, в которой говорится о равенстве и самоопределении народов. По мнению А.А. Ливеровского, право на самоопределение включает не только выбор народом своего государственно-правового статуса. Одновременно оно предоставляет народу возможность законодательно обеспечить свое социальное и культурное развитие в рамках правового регулирования сфер общественных отношений, отнесенных к предметам ведения соответствующего субъекта Российской Федерации или совместного ведения Федерации и ее субъектов. Пользуясь этим правом, субъекты Российской Федерации могут наполнять избранную форму самоопределения реальным содержанием, которое должно быть юридическим отражением социально-нормативную субкультуры, сформированной народом субъекта Российской Федерации на своей территории.

На взгляд исследователя, подобной субкультурой в Дагестане является обычное право. Причем уже сейчас Конституция Дагестана закрепляет его особую роль, когда предусматривает, что республика гарантирует защиту прав всех народов и национальных меньшинств, проживающих на ее территории, признает и уважает национально-культурную и историческую самобытность народов Дагестана, создает условия для сохранения и развития их культурных и исторических традиций, а каждому из народов гарантируется равное право на защиту жизненных интересов. Такая защита, полагает А.А. Ливеровский, невозможна без конституционного признания обычного права. Поэтому он задается вопросом: каким образом, оставаясь в рамках Конституции Российской Федерации и максимально используя преимущества федеративного устройства, отразить в конституционном законодательстве особенности субъектов Российской Федерации, связанные с существованием специфических субкультур, которые возникли на их территориях и укрепляются в постсоветской России?

Ученый обсуждает два варианта решения указанной проблемы. Один из них предполагает внедрение в законодательство республик Северного Кавказа норм, которые обеспечивают социальное и культурное развитие их народов, защищают их жизненные интересы, и в то же время не противостоят российской правовой системе в целом. Он считает, что данные нормы должны соответствовать обычаям, традициям, религиозному и социальному укладу, характерному для каждой республики. Речь идет о легализации обычного права, в основном его норм, которые касаются гражданско-правовых отношений.

А.А. Ливеровский считает такой формат неприемлемым. На примере Дагестана он приходит к выводу об отсутствии общего адата дагестанцев и единых исламских ре-

лигиозных предписаний, которыми руководствовались бы все население республики. В условиях полиэтничности и множественности мусульманских традиций включение в законодательство норм одного из местных адатов или положений одной из конкурирующих школ мусульманского права не станет объединяющим фактором, а, напротив, приведет к межэтническому и внутрирелигиозному конфликту.

Поэтому исследователь предлагает иной вариант решения проблемы, основанный на опыте совместного проживания этнических групп и религиозных общин, сложившейся практике урегулирования возникающих между ними конфликтов. Он выступает за создание на уровне субъектов Российской Федерации правовых условий, позволяющих членам этнических или религиозных общин по установленным в законодательном порядке вопросам (в основном, гражданско-правового характера) руководствоваться нормами своего обычного права. А.А. Ливеровский называет их «общинным законодательством». Одновременно предлагается создать двухуровневую систему квазисудебных органов. Первый уровень включает институты разрешения внутренних споров в рамках определенного варианта «общинного законодательства» по добровольным обращениям членов одной общины. На втором уровне действует своего рода согласительный орган, в состав которого входят представители всех зарегистрированных общин. Его полномочия сводятся к проведению примирительных процедур в целях улаживания конфликтов между членами различных общин.

На наш взгляд, концепция А.А. Ливеровского имеет рациональное зерно. В частности, следует согласиться, что власть в российских регионах традиционного распространения ислама не использует в достаточной мере свои конституционные полномочия по предметам ведения субъектов Российской Федерации, а также совместного ведения Федерации и ее субъектов для принятия законодательства, отражающего исторические и культурные традиции проживающих в них народов. Можно поддержать вывод, что ряд норм адата и шариата сохраняет положительный потенциал для защиты интересов этнических и религиозных общин. Некоторые традиционные правила и институты отвечают юридическим критериям и поэтому могут найти свое место в правовой действительности нашей страны, прежде всего, на региональном уровне. Кроме того, вызывает интерес попытка дать конституционное обоснование обращению к шариату и найти правовую формулу его взаимодействия с российским законодательством.

Вместе с тем суждения А.А. Ливеровского о месте шариата в современном российском праве оставляют сомнения в их обоснованности и реалистичности. Это относится, например, к его характеристике адата и шариата. Ученый, на наш взгляд, некритически оценивает и даже идеализирует традиционные нормы, составляющие субкультуру народов ряда регионов Северного Кавказа, которые он называет обычным правом. Автор практически обходит вопрос о том, что среди указанных правил есть не только такие, которые защищают жизненный уклад соответствующих общин и совместимы с российским правом. Многие обычаи и предписания шариата этому критерию никак не отвечают.

Кроме стремления сохранить традиционный уклад и защитить жизненные интересы горцев надо решать и иную проблему — выработать юридически корректное отношение к традиционным нормам, действие которых представляет собой очевидные правонарушения, в том числе и преступления. Понятно, что такие традиции необходимо преодолевать, а не сохранять и защищать, тем более создавать легальные условия для их консервации.

А.А. Ливеровский не останавливается на критериях, отделяющих эти две группы норм адата и шариата друг от друга, а также на контроле над тем, чтобы правонарушающие традиции не получали правовой поддержки даже в косвенном виде. Если система такого контроля (например, в судебном порядке) будет создана и станет работать эффективно и юридически корректно, то она неминуемо должна будет отсеять многие традиционные нормы как противоправные. И это при том, что они могут реально защищать жизненные интересы этнических и религиозных общин, а также сложившиеся у них традиционные модели поведения в целом.

В итоге включение обычного права в правовую систему России в предлагаемом варианте, скорее всего, даст неоднозначные результаты. Наряду с продвижением по пути преодоления противоречий между традиционной социально-нормативной культурой и российским законодательством такая линия может даже усилить указанное противостояние. Традиционный жизненный уклад местных общин практически не изменится, а применение норм адата и шариата, прямо противоречащих официальному законодательству (например, относительно кровной мести, жестоких расправ с нарушителями обычаев, ущемления прав женщин), будет продолжаться.

Такая ситуация серьезно не поколеблет общинную обособленность, но наверняка усилит восприятие этническими и религиозными группами собственных традиций в качестве «своего» образа жизни в противовес государственному закону как «чуждому» и даже чуждому порядку. Причем «свои» обычаи окажутся легализованными, хотя и в косвенном виде. В то же время многие из них не просто останутся за пределами правовой системы, но и сохранятся в качестве действующего в обход закона альтернативного регулятора, более значимого в глазах членов общин, нежели позитивное право. В результате с течением времени в жизненном укладе этих групп нужно будет находить нишу уже не для шариата и адата, а для государственного законодательства.

Выдвинутые А.А. Ливеровским предложения относительно законодательного решения проблемы претворения норм адата и шариата также выглядят дискуссионными и даже противоречивыми. В частности, он считает, что региональный законодатель может признать применение таких правил по гражданско-правовым вопросам, в частности, касающимся наследования. Неясно, какие конкретно вопросы имеет в виду автор. Включение традиционных норм по указанным вопросам в законодательство субъектов Российской Федерации противоречит российской Конституции, которая относит принятие гражданского законодательства к ведению Федерации. Если речь идет об обращении к традиционным нормам по тем гражданско-правовым вопросам, по которым законодательство позволяет субъектам правоотношений самим урегулировать свои взаимные права и обязанности, предусматривая лишь диспозитивные правила, то такая возможность имеется уже сейчас. Для этого нет необходимости в дополнительных законодательных мерах.

Кроме того, автор считает, что органы внутриобщинного разрешения конфликтов могут создаваться и функционировать в рамках российского закона о медиации. В нынешних условиях такое предложение вряд ли осуществимо. Во-первых, в этнических и религиозных общинах на Северном Кавказе сложились свои традиционные способы, формы и процедуры улаживания споров, ставшие неотъемлемым элементом местной социально-нормативной субкультуры. Отказ от них в пользу институтов, предусмотренных законом, означает свертывание традиций, которые ученый предлагает защищать, что представляется нелогичным. Во-вторых, использование возможностей, предоставляемых законодательством о медиации, предполагает знание позитивного права

и умение его использовать. Но такого необходимого опыта у общин нет. Похоже, они в нем и не нуждаются.

Безусловно, нужно бережно относиться к местным историческим и культурным традициям, включая выработанную общинами социально-нормативную субкультуру, поддерживать и даже законодательно закреплять те нормы адата и шариата, которые не противоречат действующему законодательству и на самом деле имеют позитивный потенциал. Но одновременно не менее важно — а с позиций российского права даже более актуально — приобщать эти социальные группы к правовым ценностям, стимулировать овладение ими правовыми способами и средствами защиты своих интересов.

А.А. Ливеровский практически обходит вниманием этот центральный вопрос. Показательно, что он видит основную задачу в том, чтобы отразить в законодательстве субъектов Российской Федерации статус местных традиционных социально-нормативных культур, а не в решении проблемы их взаимодействия с российским правом в целом. Получается, что концепция автора нацелена на законодательное признание обычного права, а не на поиск путей его совместимости с позитивным правом.

Между тем в правовом поле при конкуренции различных социально-нормативных культур приоритет должен принадлежать юридическому началу. Если этнические и религиозные группы могут отдавать предпочтение другим правилам, то у государства нет иного выбора, кроме поддержки правовых ценностей перед лицом альтернативных регуляторов. Такая стратегия, исходящая из приоритета правовых ценностей, даст двойной эффект. Во-первых, появится надежда на утверждение правовых начал в общинах, которые составляют часть российского общества и живут в России, провозглашенной ее Конституцией правовым государством. Во-вторых, приобщение к правовой культуре позволит тем же общинам юридически грамотно и эффективно применять собственные традиционные нормы адата и шариата в рамках действующего законодательства или, по крайней мере, без его нарушения. Иными словами, использование таких правил в рамках российского права требует юридической грамотности. Хочешь соблюдать предписания шариата при решении правовых вопросов и в целях защиты своих прав, где бы ты ни находился, в том числе за пределами своей общины, — овладевай правовой культурой, приобретай юридические знания и опыт.

Главное в решении вопроса о соотношении традиционных норм и российского законодательства состоит в точке отсчета, определении приоритетов. Если основную цель видеть в сохранении традиционного уклада жизни этнических и религиозных общин, то позитивное право оказывается второстепенным, поскольку ему отводится роль инструмента, призванного обеспечить действие норм адата и шариата. В том же случае, когда главное усматривается в утверждении правовых начал, в действительном превращении России в правовое государство, проблема сводится не к защите традиций любой ценой вне зависимости от их содержания. Она состоит в корректном и юридически грамотном отношении к ним, принципиальном отграничении норм адата и шариата, совместимых с современным российским правом, от таких форм традиционных социальных связей, которые противоречат позитивному праву. А также в том, чтобы найти правовые инструменты и формы, позволяющие реально вывести позитивные традиционные нормы из тени и отвести им подобающее место в правовом развитии России с учетом всех параметров ее правовой системы.

Принимая во внимание данные критерии, следует прийти к выводу, что реализация предложений А.А. Ливеровского может дать ограниченный эффект. Безусловно, в кон-

ституционном законодательстве республик Северного Кавказа вполне логично в более четкой форме закрепить возможность местных общин следовать своим традициям в регулировании некоторых вопросов. Наверное, признание в такой форме традиционных норм на конституционном уровне может иметь определенное правовое значение. Но, скорее всего, более оправданно говорить о политическом и психологическом эффекте, смысл которого — показать, что власть с уважением относится к национальным традициям и обычаям и еще раз подтверждает возможность использования норм адата и шариата в рамках действующего законодательства.

Данный момент высвечивает еще одну особенность позиции А.А. Ливеровского. Он рассматривает проблему места адата и шариата в правовой системе нашей страны лишь применительно к республикам традиционного распространения ислама, а также — и это главное — ограничивает ее законодательным признанием традиционных норм (обычного права), которые в его концепции занимают центральное место.

Близкие по своей направленности мысли развивают З.Х. Мисроков и Т.З. Мисроков²⁶ Они анализируют категорию традиций в контексте законодательного регулирования системы местного самоуправления. Авторы полагают, что регулирование этой системы должно ориентироваться не только на сугубо правовые критерии, а принимать во внимание также нравственные и культурные принципы, исторические и национальные традиции, этнокультурный уклад жизни населения. Все это представляет собой необходимую духовную предпосылку соответствующего законодательства, которое призвано претворять данные ценности.

Со ссылкой на закон «Об общих принципах организации и деятельности местного самоуправления в Российской Федерации» исследователи делают акцент на том, что цели этой системы охватывают стабилизацию межнациональных отношений и обеспечение жизненных потребностей и интересов населения. Одновременно они отмечают неоднократно заявлявшуюся линию российской власти на поддержку институтов, которые являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение. В подтверждение данного вывода приводится Указ Президента Российской Федерации о стратегии государственной национальной политики от 19 декабря 2012 г., в котором среди принципов такой политики отмечается взаимное уважение традиций и обычаев народов России, а также преемственность исторических традиций.

При этом подчеркивается, что в российской науке пока не сложилась общепринятая юридическая трактовка исторических и иных местных традиций, упоминаемых в действующем законодательстве. Вместе с тем ученые полагают, что указанные традиции можно считать правовой категорией и культурно-правовым феноменом. На их взгляд, поскольку во многих регионах России как федеративном государстве сложилась своя специфическая культура с правовой составляющей, правовой статус исторических традиций применительно к местному самоуправлению представляет собой не пустую декларацию, а юридический императив. Отсюда правовые нормы об учете исторических традиций относятся к демократическим принципам организации местного самоуправления, являются ее неотъемлемым элементом.

²⁶ См.: Мисроков З.Х., Мисроков Т.З. Исторические традиции как конституционная категория: вопросы институционализации в контексте местного самоуправления // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства (вып. VIII): сб. науч. тр. Казань: ООО «Офсет-сервис», 2013. С. 313–318.

Рассуждая об исторических традициях, З.Х. Мисроков и Т.З. Мисроков в прямой форме не упоминают нормы адата и шариата. Однако когда речь идет о российских регионах распространения ислама, указанные нормы должны рассматриваться в качестве важнейшей части исторических традиций. Понятно, что если авторы относят данные традиции к правовым основам организации и деятельности системы местного самоуправления, они, естественно, исходят из их совместимости с российским правом. Само собой разумеется, что это распространяется и на шариат в той мере, в какой он является стержнем исторических традиций в ряде российских регионов.

Между тем проблема совместимости шариата с современным российским правом не может рассматриваться лишь на региональном уровне и сводиться к законодательному признанию традиционных норм в той или иной форме. Она должна ставиться значительно шире — не только в масштабах отдельных регионов, а на уровне российской правовой системы в целом. Обычай и нормы шариата значимы для всех мусульман нашей страны вне зависимости от того, где они живут. Вопрос о совместимости этих регуляторов с позитивным правом должен решаться в масштабах всей правовой системы. Тем более что, в отличие от традиционных норм, которые характеризуются партикуляризмом и разнообразием, правовая жизнь нашего государства в целом строится по общим принципам даже с учетом его федеративного устройства. Единство правовой системы исключает решение проблемы традиционных социально-нормативных субкультур на уровне одного или нескольких субъектов Российской Федерации в такой форме, которая противоречит ее общим принципам и основам.

Формы взаимодействия шариата с российским законодательством

Проведенный анализ позволяет выделить несколько вариантов взаимодействия шариата с действующим законодательством, а значит — дать принципиальный ответ на вопрос о его совместимости с современным российским правом. На наш взгляд, различаются три основные такие формы.

Прежде всего, имеется опыт прямого включения норм и институтов шариата в современное российское законодательство. Правда, как уже отмечалось, он пока сводится к единственному образцу — упоминанию вакуфного имущества в законодательстве Татарстана о свободе совести. Однако подобную практику в принципе нельзя исключать. На наш взгляд, прямое закрепление отдельных норм шариата в нормативно-правовых актах не противоречит общим принципам российского законодательства и в целом допустимо при соблюдении определенных условий. Для осуществления религиозных прав мусульман, гарантированных (как и прав других верующих) ст. 28 Конституции Российской Федерации, обращение к шариату просто неизбежно. Культовые вопросы в области исполнения мусульманами своих религиозных обязанностей регулируются шариатом, а многие из них напрямую касаются права. Поэтому конкретные организационно-правовые меры (направленные на создание условий для совершения молитвы, осуществление паломничества, соблюдение поста и т.д.) должны приниматься органами власти с учетом соответствующих шариатских предписаний. Но дело не ограничивается религиозно-культовыми вопросами.

Следует сразу оговориться, что законодательное закрепление норм шариата может иметь место при соблюдении двух важных взаимосвязанных условий. Первое — по-

следовательно правовой подход к отбору и использованию исламского социально-нормативного наследия. Для России, где мусульмане составляют конфессиональное меньшинство, а государство имеет светский характер, единственно приемлемым является освоение не шариата вообще, а именно исламского права, той стороны шариата, которая отвечает юридическим критериям. Светская правовая система может воспринять лишь те элементы исламского образа жизни, которые в нее вписываются, а значит — напрямую не связаны с религией и представлены мирскими правилами поведения²⁷. При таком условии обращение к нормативному наследию ислама дает возможность использовать опыт исламского права как оригинальной правовой системы, не нарушая светского характера государства.

Вторым условием освоения достижений исламской правовой культуры в виде прямого включения норм шариата в законодательство является их совместимость с общими началами российской правовой системы, прежде всего — конституционными. При этом речь идет не только о соответствии положений шариата указанным началам, но и о том, чтобы включаемые в законодательство принципы и нормы шариата гармонично вписывались в правовую систему России по своим технико-юридическим, структурным характеристикам. О том, что такая адаптация реальна, свидетельствует опыт современных мусульманских стран, изучение которого весьма актуально для России²⁸. При соблюдении указанных условий учет отдельных норм, принципов, институтов исламского права и включение их в правовую систему европейского образца — вполне вероятная перспектива развития законодательства ряда республик в составе Российской Федерации.

В связи с этим специального внимания заслуживает так называемый личный статус — отрасль исламского права, регулирующая важнейшую сторону правового положения мусульман. Предметом данной отрасли являются брачные, семейные и наследственные отношения, взаимные обязанности родственников, опека, попечительство и некоторые другие, примыкающие к ним вопросы. Поскольку большинство норм о личном статусе содержится в основополагающих источниках шариата — Коране и Сунне, — для мусульман они имеют особое значение. Важно подчеркнуть, что и за другими конфессиями ислам признает право строить аналогичные отношения (прежде всего, брачно-семейные) в соответствии с принятыми у них правилами. Причем регулирование личного статуса по конфессиональному признаку характерно не только для современного мусульманского мира, но и для ряда других государств, например, для многих африканских стран, включая ЮАР, а также для Израиля, Индии и даже отдельных регионов Греции, где мусульмане в брачно-семейных отношениях придерживаются норм исламского права, закрепленных в специальном законодательстве.

В России личные неимущественные отношения не поставлены в зависимость от вероисповедания заинтересованных лиц, но это не означает, что отдельные положения данной отрасли исламского права не могут быть использованы. Российская Конституция в принципе такую возможность допускает, относя семейные вопросы к области совместного ведения федерации и ее субъектов. Как уже отмечалось, Конституция Ингушетии уже предусматривает, что граждане республики имеют право на вступление в брак и построение семейных отношений на основе действующего законодательства

²⁷ См.: Сюкияйнен Л.Р. Исламское право: взаимодействие юридического и религиозного начал.

²⁸ См.: Сюкияйнен Л.Р. Исламское право в правовых системах мусульманских стран: от доктрины к законодательству // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 2. С. 97–109.

и с учетом национальных традиций и обычаев. Очевидно, подобный принцип должен быть закреплен и в республиканском семейном законодательстве, которое одновременно вполне может предусмотреть и ряд конкретных шариатских норм. Конечно, только при том условии, что институт полигамии, который, безусловно, защищает традиционный жизненный уклад многих местных этнических и религиозных общин, не может быть признан, поскольку противоречит федеральному закону.

Это позволяет республикам с преобладающим мусульманским населением принимать по указанным вопросам законы, учитывающие отдельные положения шариата. Понятно, что речь идет о закреплении именно правовых принципов и норм, а не о регулировании семейных отношений по религиозному признаку. Примером может служить брачный договор, тщательно разработанный в исламском праве, выводы которого вполне могут использоваться в законодательстве субъектов Российской Федерации для детального регулирования данного института семейного права.

Вероятно, подобный подход может быть распространен и на некоторые другие вопросы, касающиеся предмета ведения субъектов Российской Федерации или совместного ведения Федерации и ее субъектов. Так, перспективным представляется опыт решения вопросов опеки, попечительства и благотворительности в исламском праве. Примечательно, что хотя они считаются институтами личного статуса, регулирующее их законодательство во многих мусульманских странах распространяется на всех граждан вне зависимости от конфессиональной принадлежности и не воспринимается как закрепление религиозных постулатов. Это косвенно подтверждает правовой характер указанных институтов.

Для регулирования благотворительной деятельности несомненный интерес может представить уже упоминавшийся институт вакфа. Отточенный исламской правовой доктриной статус имущества, изъятого из оборота и предназначенного для использования в благотворительных целях, на протяжении столетий широко использовался для поддержки образования и науки, а в настоящее время применяется и для финансирования социальных программ. Причем исламское право значительно эффективнее, нежели действующее российское законодательство, регулирует правовой статус и взаимные права и обязанности трех основных сторон благотворительной деятельности — донора, выгодополучателя и лица, уполномоченного управлять вакуфным имуществом.

Определение направлений потенциального использования исламской правовой культуры в форме закрепления в законодательстве норм шариата требует детального изучения исторического опыта действия исламского права, в том числе и в России, а также новейших достижений современной исламской правовой мысли, которые отвечают правовым критериям и могут быть востребованы правовой системой нашей страны.

К примеру, необходим тщательный анализ российского гражданского, коммерческого и иного законодательства для определения возможности введения в него отражающих шариатские принципы норм, обеспечивающих организацию и деятельность исламских предпринимательских структур, прежде всего банков и страховых компаний. Следует иметь в виду, что в последние десятилетия исламские банки получили распространение не только в мусульманском мире, но и во многих западных странах. Казалось бы, исламское право, известное запретом на получение процентов за предоставление кредита или просрочку погашения долга, противоречит принципам современной банковской деятельности. Однако занявшие несколько лет сравнительно-правовые исследования способствовали тому, что сделкам, осуществляемым исламскими банками, была прида-

на форма, которая, с одной стороны, соответствует требованиям европейского банковского права, а с другой — не отходит от основополагающих принципов шариата.

Правда, для этого необходимо преодолеть общее априорно негативное отношение к шариату как абсолютно неприемлемому для России феномену. Необходимо признать, что такая отрицательная оценка преобладает в российском общественном мнении. Ее разделяют и некоторые российские государственные учреждения, которые безоговорочно отрицают даже теоретическую возможность включения любых шариатских норм в российскую правовую систему. В обоснование указанной позиции приводятся различные аргументы правового характера. Пожалуй, основной из них сводится к тому, что признание шариата в любой форме противоречит российской Конституции. Ведь она провозглашает светский характер государства и его отделение от религии, в то время как шариат — религиозное явление.

С этим постулатом тесно связано и другое возражение юридического плана, которое делает акцент на невозможности существования в России «лоскутной» правовой системы, действующей — пусть и по отдельным вопросам — по конфессиональному признаку, что нарушает единство такой системы. Данный тезис принимает за аксиому, что любое использование шариатской культуры на уровне правовой системы обязательно приведет к ее разделу по религиозному принципу, т.е. исходит из принадлежности исламского права к религии.

При этом не принимается в расчет, что определенная часть шариата, которая может быть названа исламским правом, носит правовой, юридический характер и не является неотъемлемым элементом религии. Поэтому обращение к этой стороне шариата отнюдь не посягает на закрепленный конституцией светский характер государства и единство правовой системы, а имеет своей целью использование позитивного опыта другой правовой системы.

Очень важный в теоретико-правовом отношении аргумент против признания шариата исходит из невозможности сочетания и тем более объединения в рамках национальной правовой системы элементов, принадлежащих к различным правовым культурам — европейской и исламской, точнее — из неприемлемости включения в европейскую по своим юридическим параметрам правовую систему положений шариата. Между тем исламское право вполне эффективно взаимодействует с европейской правовой культурой, о чем свидетельствует опыт правовых систем многих арабских стран, ориентирующихся на европейскую правовую традицию²⁹.

Хотя отторжение шариата мотивируется не вполне убедительными в правовом отношении аргументами, отличается преобладанием эмоциональных предвзятых суждений и поверхностных политизированных характеристик, российская власть на федеральном уровне склонна смотреть на шариат практически однозначно критически. Для подтверждения данного заключения достаточно вспомнить не совсем адекватную раздраженную реакцию государственных структур на инициативу создания шариатских судов в городах Санкт-Петербург и Москва несколько лет назад. Органы прокуратуры даже проводили соответствующие проверки и предупреждали инициаторов таких проектов о вероятности привлечения их к ответственности за экстремистскую деятельность. К сожалению, практически никто из представителей власти даже не вспомнил, что в России действует законодательство о третейских судах и медиации, в рамках ко-

²⁹ См.: Сюкияйнен Л.Р. Взаимодействие исламской и европейской правовых культур: современный опыт // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2. 2009. С. 171–188.

тогого вполне могут создаваться и функционировать институты разрешения споров, использующие шариатские нормы, принципы и процедуры.

Показательной является также позиция Генеральной прокуратуры, которая склонна видеть в любом упоминании шариата в уставах мусульманских религиозных организаций нарушение действующего законодательства. В обоснование такого вывода приводится, казалось бы, убедительный аргумент юридического характера — позиция Европейского суда по правам человека. В частности, упоминается его известное решение 2003 г. по иску турецкой партии Рефах. В нем, действительно, говорится, что нормы шариата несовместимы с фундаментальными принципами демократии и явно противоречат системе ценностей, закрепленных Европейской конвенцией прав человека и основных свобод (1950).

Однако такая характеристика шариата неразрывно связана с оценкой судом деятельности указанной партии, которая ставила своей целью ликвидацию светского государства и создание правовой системы, построенной на дискриминации граждан по религиозному признаку. Поэтому она никак не может распространяться на шариат в целом как на исламскую социально-нормативную культуру. Известно, что ее достижения в свое время обогатили европейское право. Они и сейчас применяются в Европе, допускаются соответствующими государственными органами, включая суды. Однако органы прокуратуры игнорируют данное обстоятельство, не проявляют желания провести точный юридический анализ данной проблемы.

Представляется, что такой ограниченный и очевидно односторонний взгляд на шариат не помогает дать корректный в правовом отношении ответ на вопрос о перспективах шариата и исламского права в правовом развитии современной России. Он наглядно демонстрирует, что российские властные структуры в целом пока не проявляют готовности и умения посмотреть на шариат с последовательно юридических позиций и обнаружить в нем правовое начало, которому есть место в российской правовой системе.

Другая форма взаимодействия шариата с законодательством представлена общей ссылкой на исторические и местные традиции, содержащейся в ряде актов. Примером является уже отмечавшееся положение Конституции Ингушетии относительно регулирования семейных вопросов с учетом традиций и обычаев, к которым в данной республике, несомненно, принадлежит шариат. В этом же ряду стоит упоминание исторических и иных местных традиций в законе об общих принципах организации и деятельности местного самоуправления в Российской Федерации, что применительно к отдельным регионам, где издавна утвердился ислам, вполне может толковаться как косвенное признание предписаний шариата.

Такая трактовка касается даже Конституции Российской Федерации, которая предусматривает, что местное самоуправление осуществляется на всей территории России с учетом исторических и иных местных традиций. Аналогичным образом допустимо трактовать и ссылку на местные традиции и обычаи в законодательстве о коренных малочисленных народах, если речь идет о народах, исповедующих ислам.

Представляется, что при юридически корректном понимании данные законодательные положения могут использоваться для признания в той или иной форме норм шариата, совместимых с современным российским правом. Вместе с тем, такой вывод может быть поставлен под сомнение на основании приведенных выше аргументов против возможности обращения к шариату в принципе. Однако эти возражения оказываются беспочвенными применительно к еще одной форме взаимодействия шариата с современным российским правом, которая пока практикуется в ограниченных рамках.

Речь идет об обращении к положениям шариата в сфере действия диспозитивных норм законодательства. С позиции права данная ситуация может квалифицироваться как использование таких норм, а с точки зрения шариата — реализация его предписаний. Примером может служить оформление своих сделок исламскими страховыми компаниями, которые действуют в рамках российского законодательства и одновременно используют предусмотренные им возможности для соблюдения требований шариата. На аналогичных началах осуществляется выпуск исламских банковских карт или ценных бумаг.

Российское законодательство может использоваться для реализации норм шариата и в других вариантах. При этом современная исламская правовая мысль рекомендует следовать принципу: если позитивное право формально не допускает действие шариата по какому-либо вопросу, то надо разработать альтернативное решение, которое не будет противоречить закону и в то же время позволит реализовать шариатское предписание в максимально возможной степени. Причем достижение цели такого положения важнее соблюдения формы.

Так, российское законодательство расходится с нормами шариата, устанавливающими точную долю имущества, наследуемого определенными категориями наследников. Одновременно шариат предусматривает, что относящиеся к данным категориям лица не могут наследовать по завещанию. Но это не мешает в принципе реализовать указанные шариатские правила по их смыслу, не нарушая закона. Например, в завещании можно предусмотреть передачу своего имущества после смерти в соответствии с шариатскими правилами, в том числе, и относительно наследников, чья доля заранее определена. Но для этого наследодатель должен уметь составить такое завещание, а наследник — соблюсти все установленные законом требования для принятия наследства и реального получения завещанного имущества.

Рассмотренные формы взаимодействия шариата с действующим законодательством свидетельствуют, что шариат при определенных условиях совместим с современным российским правом. Такой вывод опирается на практический опыт, выводы теории права и сравнительного права, положения действующего законодательства и общие основы правовой системы нашей страны. Правда, чтобы владеть всеми возможными способами реализации шариата в российской правовой жизни, в том числе и в области действия диспозитивных норм, требуются знание права и умение использовать предписания законодательства. Для этого в правовом отношении значительно продуктивнее работать над повышением уровня правовой культуры мусульман и их организаций, нежели добиваться законодательного признания норм шариата. Без грамотного в юридическом отношении обращения с позитивным правом закрепление в законе в прямой или косвенной форме указанных норм останется пустой буквой.

Важно отметить, что требование корректно в правовом отношении анализировать взаимодействие шариата с российским правом следует адресовать и государственным структурам, включая органы прокуратуры. В то же время им, как и мусульманскому сообществу России, не хватает знаний подходов современной исламской правовой мысли к шариату и его взаимодействию с современным позитивным правом в светском государстве, что должно стать предметом самостоятельного исследования.

Овладение достижениями современного исламского правоведения даст дополнительные основания для положительного ответа на вопрос, поставленный в названии настоящей статьи.

Библиография

- Абашин С.Н. Многоженство запретить нельзя разрешить? // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М.: Стратегия, 2000. С. 101–115.
- Абдулаев М.М. К вопросу о роли шариата в современном дагестанском обществе // Вестник Российской правовой академии. 2007. № 4. С. 3–8.
- Азаркин Н. Исламу — «да», шариату — «нет» // Юридический вестник. 2000. № 10 (240). С. 4–8.
- Албаков Д.Х. О применении шариата в Республике Ингушетия // Ислам и право в России. Вып. 2. М.: РУДН, 2004. С. 81–84.
- Албогачиева М.С.-Г. Конференция мусульман Республики Ингушетия // Антропологический форум № 14. Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/Antropo_Forum_online/2011_14/albogachieva2_link.pdf (дата обращения — 19 июля 2014 г.).
- Албогачиева М.С.-Г. Особенности взаимодействия российской судебно-правовой системы и традиционных правовых институтов ингушского общества (XIX—XXI вв.) // Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2012. С. 207–217.
- Арутюнов С.А. Шариату на Северном Кавказе необходимо создать легальную правовую нишу // Итоги. 1999. № 3 (138). С. 14–16.
- Бабич И.Л. Идеологический фундамент возрождения обычного и мусульманского права в Кабардино-Балкарии // Ислам и право в России. Вып. 2. М., 2004. С. 186–196.
- Бабич И.Л. Формирование правового плюрализма в советское и постсоветское время на Северо-западном Кавказе // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М.: Стратегия, 2000. С. 116–127.
- Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860–1990-е годы). М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1999.
- Бакиров Р.Н. Полигамия в условиях современного российского законодательства // Шариат: теория и практика: матер. Межрегион. науч.-практ. конференции. Уфа: ТАУ, 26–28 сентября 2000 г. Уфа, 2000. С. 20–24.
- Благодетельность в России: исторический опыт, проблемы возрождения традиций и перспективы развития. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008.
- Бобровников В.О. Археология строительства исламских традиций в дагестанском колхозе // Ab Imperio. 2004. № 3. С. 563–593.
- Бобровников В.О. Ислам, власть и общество в бывшем колхозе: дагестанский случай // Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2012. С. 9–31.
- Бобровников В.О. Ислам и советское наследие в колхозах Северо-Западного Дагестана // Этнографическое обозрение. 1997. № 5. С. 132–142.
- Бобровников В.О. Колхоз как хранитель исламского уклада // Ваш выбор. 1996. № 3. С. 18–23.
- Бобровников В.О. Шариатские суды и правовой плюрализм в Советском Дагестане // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 77–91.
- Боронбеков С. Шариат. М.: МВД России, 2002.
- Гилязутдинова Р.Х. Природа мусульманского права: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Уфа, 2001.
- Давыдов А. И все-таки шариату — твердое «нет» // Юридический вестник. 2000. № 12 (242). С. 20–25.
- Керимов Г.М. О возможности применения некоторых норм мусульманского права и шариата в регионах Северного Кавказа и Поволжья // Ислам и право в России. Вып. 2. М.: РУДН, 2004. С. 208–212.
- Ливеровский А.А. Перспективы претворения шариата и адата в современной России. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2012.
- Мисроков З.Х., Мисроков Т.З. Исторические традиции как конституционная категория: вопросы институционализации в контексте местного самоуправления // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. Вып. VIII. Казань: Офсет-Сервис, 2013. С. 313–318.

Петров Э.А. Государственно-политические конфликты институтов российского и мусульманского права в процессах реализации социальной доктрины ислама: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Ростов н/Д, 2003.

Пчелинцев А.В. Опыт правовой защиты российских мусульман // Ислам и право в России. Вып. 1. М.: РУДН, 2004. С. 196–198.

Раянов Ф.М., Гилязутдинова Р.Х. Юридическая природа мусульманского права // Шариат: теория и практика: матер. Межрегион. науч.-практ. конференции. Уфа, 26–28 сентября 2000 г. Уфа: ТАУ, 2000. С. 24–31.

Ситдыкова Г.Р. Шариат и социальные проблемы современной женщины // Шариат: теория и практика: матер. Межрегион. науч.-практ. конференции. Уфа, 26–28 сентября 2000 г. Уфа: ТАУ, 2000. С. 181–184.

Старостина С.А. Шариат в истории российского государства: объективная закономерность или парадокс. Калининград: КЮИ МВД России, 2002.

Сюкияйнен Л.Р. «Арабская весна» и исламская правовая мысль // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 1. С. 16–37.

Сюкияйнен Л.Р. Взаимодействие исламской и европейской правовых культур: современный опыт // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2. 2009. С. 171–188.

Сюкияйнен Л.Р. Исламская и европейская правовые культуры: формы взаимодействия и перспективы на Кавказе // Государство и право народов Кавказа: проблемы становления и развития. Ростов н/Д, 2012. С. 9–21.

Сюкияйнен Л.Р. Исламская правовая мысль против экстремизма и терроризма // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 1. С. 24–43.

Сюкияйнен Л.Р. Исламское право в правовых системах мусульманских стран: от доктрины к законодательству // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 2. С. 97–109.

Сюкияйнен Л.Р. Исламское право: взаимодействие юридического и религиозного начал // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 1. 2007. С. 97–106.

Сюкияйнен Л.Р. Право, религия, традиции, политика: конфликт или взаимодействие? (на примере ислама и мусульманских меньшинств в Европе) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 4. С. 23–46.

Теунов М.К. Шариат в процессе трансформации традиционных правовых институтов на Северном Кавказе // Право и безопасность. 2010. № 3. С. 102–105.

Хачилаев Н. Союз мусульман России. Ответственность, политика и ислам. У правителей не должно быть чувства вседозволенности и бесконтрольности // Независимая газета. 1997. 27 сентября. С. 5–7.

Ярлыкапов А. Адат, шариат и российское право на современном Северном Кавказе: итоги и перспективы // Ислам в мультикультурном мире: Мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве. Казань: Казанский ун-т, 2014. С. 367–377.

Makarov D. Enacting the Sharia Laws in a Dagestani Village // ISIM Newsletter. 1998. No 1. P. 19.

Is Islamic Shariat Compatible with Contemporary Russian Law?

Leonid Syukiyaynen

Professor, Department of Theory of Law and Comparative Law, National Research University Higher School of Economics, Doctor of Juridical Sciences. Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: Lsukiyaynen@hse.ru.

Abstract

The article is devoted to analysis of the forms of interaction between Shariat and legislation in action as well as compatibility of Shariat with contemporary Russian law in general. The author touches several reasons of increasing interest to the role which Shariat plays in legal development of Russia. Among these reasons he pays attention to the up-going process of renaissance of Islam, social and political activity of Muslim communities outside the regions where Islam is traditionally spread, the existing threat of Islamic extremism, increasing influence of Shariat upon political and legal development of the Muslim world. Also there are numerous conflicts linked with Muslim minorities in the West which contribute a lot to the interest paid to Shariat.

Several modes of referring to Shariat can be differentiated as far as its correlations with positive legislation are concerned. One of them manifests itself in the actions of Muslim separatists and extremists who directly oppose Shariat to the Russian law. Another mode provides for including of Shariat norms in the official legislation. There is one more form of the above mentioned correlation which is related with the action of Shariat as alternative regulator without opposing it to the official state law.

There is no one definite justification for the realization of Shariat provisions. For instance Muslim radicals refer only to religious arguments to fulfil their plans aiming at replacing official legislation by Shariat. Some Russian scientists call for legalizing of Shariat norms but they do not put down any legal grounds or justification for their proposals. Russian jurists have different approaches to this issue. Some authors elaborate general conceptions which key point is legal recognition of local traditions and customs including Shariat norms. As a rule these theories concern Russian regions of Northern Caucasus.

The author examines several patterns of possible correlation between Shariat and state legislation. The first one is represented by the direct inclusion of Shariat norms into the legislation. The Russian law provides for such implementation under some conditions. The leading one is choosing among Shariat provisions those which meet criteria of legal norm and can be considered as Islamic law in proper sense. The other form of the correlation mentioned above manifests itself in legal acts which refer to the historical and local traditions. It means in indirect form the possibility of implementation of some Shariat norms. Besides that Shariat provisions can be used for solving issues which are provided for by dispositive norms of state legislation. Generally the author gives positive answer to the question put in the title of the article.

Keywords

Shariat, legislation, Russian law, modes of Shariat norms implementation, historical and local traditions, adat, polygamy, waqf, Shariat court, local government, dispositive norms.

Citation: Syukiyaynen L. (2014) Is Islamic Shariat Compatible with Contemporary Russian Law? *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*, no 3, pp. 4–30. (in Russian)

References

- Abashin S.N. (2000) *Mnogozhenstvo zapretit' nel'zya razreshit'?* [Polygamy: allowed or forbidden]. *Yuridicheskaya antropologiya. Zakon i zhizn'* [Legal Anthropology. Law and Life], Moscow: Strategiya, pp. 101–115. (in Russian)
- Abdulaev M.M. (2007) *K voprosu o roli shariata v sovremennom dagestanskom obshchestve* [To the Issue of the Role of Sharia in Modern Dagestani society]. *Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii*, no 4, pp. 3–8.
- Azarkin N. (2000) *Islamu — «da», shariatu — «net»* [Islam — yes, Sharia — no]. *Yuridicheskiy vestnik*, no 10 (240), pp. 4–8.

- Albakov D.Kh. (2004) O primeneni shariata v Respublike Ingushetiya [On Applying Sharia in Ingushetia]. *Islam i pravo v Rossii* [Islam and Law in Russia], no 2, Moscow: PFUR, pp. 81–84.
- Albogachieva M.S.-G. Konferentsiya musul'man Respubliki Ingushetiya. Antropologicheskii forum no 14. Available at: http://www.intelros.ru/pdf/Antropo_Forum_online/2011_14/albogachieva2_link.pdf accessed 19.07.2014.
- Albogachieva M.S.-G. (2012) Osobennosti vzaimodeystviya rossiyskoy sudebno-pravovoy sistemy i traditsionnykh pravovykh institutov ingushskogo obshchestva (XIX—XXI vv.) [Features of the Interaction of Russian Legal System and Traditional Legal Institutions of Ingushi Society (19–21 centuries)]. *Obshchestvo kak ob"ekt i sub"ekt vlasti. Ocherki politicheskoy antropologii Kavkaza* [Society as a Subject and Object of Power. Essays on Political Anthropology of the Caucasus]. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, pp. 142–207.
- Arutyunov S.A. (1999) Shariatu na Severnom Kavkaze neobkhodimo sozdat' legal'nyuy pravovuyu nishu [Sharia in North Caucasus Requires a Legal Niche]. *Itogi*, no 3 (138), pp. 14–16.
- Babich I.L. (2004) Ideologicheskii fundament vozrozhdeniya obychnogo i musul'manskogo prava v Kabardino-Balkarii [Ideological Basis for Common and Muslim Law in Kabardino Balkaria]. *Islam i pravo v Rossii* [Islam and Law in Russia], no 2, Moscow, pp. 186–196.
- Babich I.L. (2000) Formirovanie pravovogo plyuralizma v sovetskoe i postsovetskoe vremya na Severo-zapadnom Kavkaze [Legal Pluralism in Soviet and Post soviet times in North Western Caucasus]. *Yuridicheskaya antropologiya. Zakon i zhizn'* [Legal Anthropology. Law and Life]. Moscow: Strategia, pp. 116–127.
- Babich I.L. (1999) *Evolyutsiya pravovoy kul'tury adygov (1860-1990-e gody)* [Evolution of Legal Culture among Adygean People (1860s — 1990s)]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology. (in Russian)
- Bakirov R.N. (2000) Poligamiya v usloviyakh sovremennogo rossiyskogo zakonodatel'stva [Poligamy under Modern Russian Law]. *Proceedings of International Research Conference Sharia: Theory and Practice*. September 26–28, 2000, Ufa: TAU, pp. 20–24.
- Institute of History named. S. Mardzhani AS RT *Blagotvoritel'nost' v Rossii: istoricheskii opyt, problemy vozrozhdeniya traditsiy i perspektivy razvitiya*. (2008) [Charity in Russia: historical Experience, problems of reviving Traditions and Perspectives]. Kazan'.
- Bobrovnikov V.O. (2004) Arkheologiya stroitel'stva islamskikh traditsiy v dagestanskom kolkhoze [Archeology of Constructing Islamic Traditions in Dagestani Kolkhoz]. *Ab Imperio*, no 3, pp. 563–593.
- Bobrovnikov V.O. (2012) Islam, vlast' i obshchestvo v byvshem kolkhoze: dagestanskii sluchay [Islam, Power and Society in the former Kolkhoz: A Daghestani Case]. *Obshchestvo kak ob"ekt i sub"ekt vlasti. Ocherki politicheskoy antropologii Kavkaza*. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, pp. 9–31.
- Bobrovnikov V.O. (1997) Islam i sovetskoe nasledie v kolkhozakh Severo-Zapadnogo Dagestana [Islam and Soviet Heritage in the Kolkhozs of Northwestern Dagestan]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no 5, pp. 132–142.
- Bobrovnikov V.O. (1996) Kolkhoz kak khranitel' islamskogo ukлада [Kolkhoz as a guardian of Islamic traditions]. *Vash vybor*, no 3, pp. 18–23.
- Bobrovnikov V.O. (2001) Shariatskie sudy i pravovoy plyuralizm v Sovetskom Dagestane [Sharia Courts under Legal Pluralism in Soviet Dagestan]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no 3, pp. 77–91.
- Boronbekov S. (2002) *Shariat* [Sharia]. Moscow: RF Ministry of Internal Affairs. (in Russian)
- Gilyazutdinova R. Kh. (2001) *Priroda musul'manskogo prava* [Nature of Muslim Law. (PhD Thesis), Ufa: Bashkir State University.
- Davydov A. (2000) I vse-taki shariatu – tverdoe «net» [A Flat No to Sharia]. *Yuridicheskii vestnik*, no 12 (242), pp. 20–25.
- Kerimov G.M. (2004) O vozmozhnosti primeneniya nekotorykh norm musul'manskogo prava i shariata v regionakh Severnogo Kavkaza i Povolzh'ya [On possible application of some norms of Muslim Law and Sharia in North Caucasus]. *Islam i pravo v Rossii* [Islam and Law in Russia], no 2, Moscow: PFUR, pp. 208–212.
- Liverovskiy A.A. (2012) *Perspektivy pretvoreniya shariata i adata v sovremennoy Rossii* [Perspectives of Sharia and Adat in Modern Russia]. Makhachkala: IPC DGU. (in Russian)

- Misrokov Z.Kh., Misrokov T.Z. (2013) Istoricheskie traditsii kak konstitutsionnaya kategoriya: voprosy institutsionalizatsii v kontekste mestnogo samoupravleniya [Historical Traditions as a Constitutional Category: issues of industrialization in the context of local government]. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki konstitutsionnogo sudoproizvodstva*, no VIII, Kazan': Ofset-Servis, pp. 313–318.
- Petrov E.A. (2003) *Gosudarstvenno-politicheskie konflikty institutov rossiyskogo i musul'manskogo prava v protsessakh realizatsii sotsial'noy doktriny islama* [State and Political Conflicts between the Institutions of Russian and muslim law in the processes of implementing Islamic social doctrine]. (PhD Thesis), Rostov-on-Don: The North Caucasus Research Center of Higher School.
- Pchelintsev A.V. (2004) Opyt pravovoy zashchity rossiyskikh musul'man [Case of Legal Protection of Russian Muslims]. *Islam i pravo v Rossii*, no 1, Moscow: PFUR, pp. 196–198.
- Rayanov F.M., Gilyazutdinova R.Kh. (2000) Yuridicheskaya priroda musul'manskogo prava [Legal Nature of Muslim Law]. *Proceedings of International Research Conference Sharia: Theory and Practice*. September 26 – 28, 2000, Ufa: TAU, pp. 24–31.
- Sitdykova G.R. Shariat i sotsial'nye problemy sovremennoy zhenshchiny [Sharia and Social Issues of a Modern Woman]. *Proceedings of International Research Conference Sharia: Theory and Practice*. September 26–28, 2000, Ufa: TAU, pp. 181–184.
- Starostina S.A (2002) *Shariat v istorii rossiyskogo gosudarstva: ob "ektivnaya zakonomernost' ili paradoks* [Sharia in the History of Russian State: Objective Consequence or Paradox]. Kaliningrad: RF Ministry of Internal Affairs. (in Russian)
- Syukiyaynen L.R. (2013) «Arabskaya vesna» i islamskaya pravovaya mysl' [Arabian Spring and islamic legal Thought]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 1, pp. 16–37.
- Syukiyaynen L.R. (2009) Vzaimodeystvie islamskoy i evropeyskoy pravovykh kul'tur: sovremennyy opyt [Interaction of Islamic and European Legal Cultures: Modern Experience]. *Ezhegodnik libertarno-yuridicheskoy teorii*, no 2, pp. 171–188.
- Syukiyaynen L.R. (2012) *Islamskaya i evropeyskaya pravovye kul'tury: formy vzaimodeystviya i perspektivy na Kavkaze* [Islamic and European Legal Cultures: Forms of Interaction and Perspectives in the Caucasuses]. *Gosudarstvo i pravo narodov Kavkaza: problemy stanovleniya i razvitiya*. Rostov-on-Don: Pero, pp. 9–21.
- Syukiyaynen L.R. (2011) Islamskaya pravovaya mysl' protiv ekstremizma i terrorizma [Islamic Legal Thought against Extremism and Terrorism]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 1, pp. 24–43.
- Syukiyaynen L.R. (2008) Islamskoe pravo v pravovykh sistemakh musul'manskikh stran: ot doktriny k zakonodatel'stvu [Islamic Law in Legal Systems of Muslim Countries: from a doctrine to legislation]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 2, pp. 97–109.
- Syukiyaynen L.R. (2007) Islamskoe pravo: vzaimodeystvie yuridicheskogo i religioznogo nachal [Islamic Law: Interaction of Legal and Religious Sources]. *Ezhegodnik libertarno-yuridicheskoy teorii*, no 2, pp. 97–106.
- Syukiyaynen L.R. (2010) Pravo, religiya, traditsii, politika: konflikt ili vzaimodeystvie? (na primere islama i musul'manskikh men'shinstv v Evrope) [Law, Religion, Traditions, Politics: Conflict or Dialogue]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 4, pp. 23–46.
- Teunov M.K. (2010) Shariat v protsesse transformatsii traditsionnykh pravovykh institutov na Severnom Kavkaze [Sharia in the Process of Transformation of Traditional Legal Institutions in North Caucasuses]. *Pravo i bezopasnost'*, no 3 (36), pp. 102–105.
- Khachilaev N. (1997) Soyuz musul'man Rossii. Otvetstvennost', politika i islam. U praviteley ne dolzhno byt' chuvstva vsedozvolennosti i beskontrol'nosti [Union of the Muslims of Russia. Responsibility, Politics and Islam. Rulers should not have the feeling of permissiveness]. *Nezavisimaya gazeta*, pp. 5–7.
- Yarlykapov, A.A. (2014) Shariat i rossiyskoe pravo na sovremennom Severnom Kavkaze: itogi i perspektivy [Sharia and Russian Law in the Modern North Caucasuses: Results and perspectives]. *Islam v mul'tikul'turnom mire: Musul'manskie dvizheniya i mekhanizmy vosproizvodstva ideologii islama v sovremennom informatsionnom prostranstve*. Kazan': Kazan' University, pp. 367–377.
- Makarov D. (1998) Enacting the Shariat Laws in a Dagestani Village. *ISIM Newsletter*, no 1, p. 19.